

Второе отделение открыло для слушателей Буяновского-композитора. Композиторскому творчеству Буяновский придавал особое значение и очень радовался удачам в этой области. Для валторны музыкант написал целый ряд сочинений, включая несколько сонат, фантазии, а также пьесы для хора валторн и солирующей валторны. Виталий Михайлович любил искать разнообразное звучание валторны, использовал в своих работах приемы звукоизобразительности, звукоподражания, двойные ноты, трели, приемы эхо, валторновые *glissandi*, *frullato*. По словам Э. С. Барутче-

вой, «кроме музыки драматичной, меланхолично-печальной, Буяновский умел писать и удивительно веселую, остроумную, искрометную музыку». Образцом для Буяновского-композитора являлся Б. Бриттен, о чем свидетельствует посвященная ему «Элегия». Виталий Михайлович исполнял музыку Бриттена в присутствии самого композитора в Малом зале филармонии, что явилось для него особо значимым.

Пьесу «Испания» из цикла «Из путевых впечатлений» для валторны соло исполнил Александр Афанасьев, «Элегию памяти Бритте-

на» — лауреат международного конкурса Алексей Цес и Наталья Говорова. Сочинение «Охота» — Олег Скроцкий и лауреат международных конкурсов Маргарита Глухова.

После «Элегии» Пуленка, исполненной Александром Петровым и Маргаритой Глуховой, на сцене появился Российский роговой оркестр. В завершении концерта прозвучали две пьесы. Светлой молитвой в память о прекрасном музыканте стала «Ave Maria» Шуберта. А попури на темы из оперы Россини «Вильгельм Телль» — гимном его многогранной творческой деятельности.

Marina ARSHINOVA

An interview with pianist Boris Berezovsky

С пианистом Борисом Березовским удалось встретиться лишь на следующий день после его сольного концерта в Большом зале Санкт-Петербургской консерватории имени Д. Д. Шостаковича. В состоявшемся интервью интересно сочетаются впечатления минувшего вечера и рассказ о творческом пути пианиста, успешно гастролирующего во многих странах мира.

This is an interview with Boris Berezovsky next day after his fabulous recital at the Great Philharmonic Hall. The world famous pianist was talking about his European tour impressions and his last concerts around Russia.

Марина АРШИНОВА

Интервью с пианистом Борисом Березовским

— Борис, поздравляю Вас со вчерашним успехом. Замечательный был концерт. Скажите, а Вы сильно волновались перед выходом на сцену?

— Немного волновался. Без волнения играть просто нельзя. Ведь концерт должен стать событием, а когда этого ощущения нет... Пару раз в жизни играл вообще без волнения. Очень неудачные были концерты. Нервозность это даже в плюс, пусть лучше что-то не получится, чем играть просто так.

— Питерская публика, традиционно считающаяся холодной, Вас полюбила и приняла...

— Да, это традиция, публика здесь особая, это нужно принимать, и, как любую традицию, сохранять. Я, знаете, не верю в горячие приемы. Например, в Голландии. После концерта там всегда аплодируют стоя. Это у них идет от религии — как бы все, что ни делается, хорошо. В Америке тоже бешено хлопают. В этом есть девальвация, что-то ненормальное. Я вообще поклонник театров. Какой бы гениальный ни был спектакль, какие бы ни играли актеры — там всегда очень мало аплодируют. Мне говорили — это потому, что нет бисов. Впрочем, для меня эта часть концерта не так важна. А вообще, я страшно рад, что меня в Санкт-Петербурге так принимают, ведь музыкальные традиции, которые здесь были созданы — это что-то невероятное. Для меня каждое выступление в Петербурге — огромное событие. Хотелось бы здесь играть чаще.

— Как вы находите акустику Зала, качество инструмента?

— Зал — гениальный. Инструмент — на четверку. Мы, пианисты, никогда не знаем, какой будет инструмент на следующем концерте. Хотя есть момент, когда все это уже не важно, вступает какой-то гипноз.

— Какой инструмент стоит у Вас дома?

— Потрясающий гамбургский Стейнвей. До того как он появился, мне было гораздо легче. 10 лет я занимал-

ся на электронной «Ямахе», только выучивал текст, остальное уже делал на сцене. После того, как стал постоянно заниматься на Стейнвее — стало очень трудно играть на сценах, где инструменты не дают таких возможностей, как мой.

— Вы были вундеркиндом?

— Нет. Был подающим надежды, очень музыкальным ребенком. опережал на пару лет программу специальной музыкальной школы, в которой учился. Но вундеркиндом не был.

— Ваши родители — музыканты?

— Да. Мама — дирижер-хоровик, папа преподает сольфеджио, теорию музыки, гармонию, подготавливает к поступлению в ВУЗы.

— Родители с Вами много занимались?

— Конечно. Мой папа — феноменальный педагог. Может кого угодно научить слышать. Он давал мне специальные упражнения для развития слуха.

— Сколько у Вас было педагогов, не считая родителей?

— Три. В детстве Исмаил Абрамович Альтерман. Он научил меня спокойно, без напряжения, играть на рояле, преодолевать трудности, зажимы.

— Мне кажется, Вы природой созданы для игры на рояле.

— В принципе это так, но лет до десяти у меня были серьезные проблемы, уставали руки, плечи, я не мог пьесу доиграть до конца. Альтерман помог мне справиться со всем этим. Потом я поступил в консерваторию к Элисе Вирсаладзе.

— Это был Ваш выбор профессора?

— Нет, мне посоветовали мои педагоги. Я вообще тогда ничего не решал. Я и музыкой-то окончательно решил заниматься только после конкурса Чайковского. Хотя в 17 лет и получил премию на серьезном конкурсе в Лидсе,

в Англии. Но поиск собственного стиля начался только после конкурса Чайковского. Знаете тест радио — самый страшный эксперимент в этом отношении?

— **Именно радио или любая звукозапись?**

— Радио, когда не знаешь, кто играет. В Московской консерватории ставили эксперименты на профессорах, студентах фортепианного факультета. Ставили чью-то запись и говорили, что это, скажем, Рихтер. Все восхищались, находили признаки рихтеровской игры. Потом наоборот. Ставили Рихтера — говорили, что играет студент. Начиналась страшная критика. В общем, сознавая всю лимитированность понятия исполнительского стиля, хочется все же найти его для себя. Это не самоцель, просто хочется играть так, чтобы самому было приятно. А конкурс Чайковского я выиграл благодаря Вирсаладзе. Она мне расписала все по тактам — как нужно играть, чтобы победить. Я победил, а после конкурса начался кризис: а сам-то я что могу? Тогда я и встретил Саца, кстати, поклонника Софроницкого, и он помог мне найти свой путь. Я ему этим обязан. Вообще путей в искусстве очень много. Мой случай довольно простой и удачный. Я получил лучшее от лучших педагогов в нужное время. В детстве научился хорошо играть на рояле благодаря Альтерману, затем после конкурса Чайковского, благодаря Вирсаладзе, обрел возможность играть много концертов. Лет через пять, благодаря Сацу — нашел себя.

— **В последнее время вы наращиваете темп и интенсивность выступлений в России...**

— Я страшно этому рад. Чем больше у меня концертов в России, тем выше шансы проявить себя как музыканта. Есть огромное количество произведений, которые хотелось бы сыграть. В России больше возможностей это сделать, чем в Европе, где все настолько заранее запрограммировано, что крайне трудно выходить с новыми проектами. Ну, есть какие-то города в Европе, где меня особенно любят и могут дать сыграть что-то необычное, но это не везде так.

У меня есть один замысел, который я очень хочу осуществить, — повторить цикл «Исторических концертов» Антона Рубинштейна. Там много пьес, обработок, транскрипций — словом, репертуар, который в те времена был очень популярен, а сейчас по большей части забыт. Тогда концерты проходили совершенно в другой атмосфере, они длились по 3–4 часа, люди входили-выходили, разговаривали, выпивали.

— **Вы бы смогли играть в такой обстановке?**

— Меня как раз пугает гробовая тишина в зале. Ведь в ту эпоху, когда были написаны шедевры фортепианно-

го репертуара, во времена Шопена и Листа все было совершенно по-другому. Сегодня повторить эту атмосферу невозможно, так хотя бы возродить тот репертуар... Это огромная работа. Цикл состоит из 7–8 концертов по три часа музыки каждый. При нормах современной концертной жизни это, конечно, нереально, но можно играть и частями. Главное — выучить и сыграть, а в какой последовательности — уже не так важно. Многие из произведений, входящих в «Исторические концерты», у меня уже есть, это Шуман, Шопен, Лист. Но хочется сыграть и Вебера, и Мендельсона, и много разной другой музыки.

— **Были ли у вас в детстве кумир, некая «ролевая модель» в профессии?**

— Моим любимым пианистом всегда был и остается Владимир Софроницкий. Те, кто его слышали живьем, рассказывали о магии его звука, о звуковой волне, эмоциональном накале, о его нестандартных решениях. Знаете, я могу, если очень поработаю, скопировать Микеланджели, даже Гульда. А вот Софроницкого — нет, не смогу. Еще я фанат Плетнева, он гениальный пианист. Консерватор, не любит экспериментировать, почти не играет музыку, написанную после Брамса. Впрочем, это сейчас распространенная проблема у исполнителей.

— **А как у вас с современной музыкой?**

— В Мюнхене был такой случай. Один композитор дал мне свою партитуру, попросил выучить и сыграть в концерте. Я посмотрел в нее и понял, что ни времени, ни желания делать этого у меня нет. Я ему честно сказал — буду, мол, импровизировать прямо на концерте. 15 минут играл на сцене все, что попало, потом в одной крупной мюнхенской газете написали, что это выдающееся произведение.

— **Прямо как в сказке про голого короля.**

— В этом смысле я полупрофессионал, не очень интересуюсь современной музыкой. Некоторые вещи мне нравятся. Джордж Крамб; Адамс с его минимализмом, особенно оркестровые вещи; Мессиан — но это уже считается классикой. Но вообще современную музыку нужно знать, если даже не очень любишь.

— **Но влечет вас все же в другую сторону — реконструкция «Исторических концертов», обработки Годовского, Метнера...**

— Меня интересует все, что связано с пианистическим искусством. Это основное дело моей жизни, и к тому же это большое удовольствие.

— **Есть ли, на Ваш взгляд, разница между «советским» фортепианным стилем и европейской манерой игры?**

— Существует разница культур. Есть русская культура, есть франко-германская. У итальянских музыкантов есть комплекс «Соле мио», что бы они не играли. Хотя Бенедетти Микеланджели (я очень его люблю) — и сдержан, и расчетлив, но под этим такая страсть.

— **Вы ощущаете себя космополитом? Часть поколения jet-set?**

— Я очень люблю и Россию, и Европу. Но для работы мне удобнее сегодня жить в Европе. Россия — это полное безумие, слишком много соблазнов, которым я не могу противостоять. Мне здесь не выжить. В Европе работать легче.

— **С некоторых пор ваше имя стало очень популярно во Франции. Ваша программа «Карт-бланш» в театре Елисейских Полей пользовалась большим успехом. Что это за программа?**

— В [буквальном] переводе «карт-бланш» — это «белая карта». В нашем случае это означает, что ничего ровным счетом о концерте не известно — ни программы, ни исполнителей. Только дата и имя музыканта,

в данном случае мое. Я приглашаю сам любых партнеров, у нас есть право играть то, что мы хотим. На самом же деле сегодня все, конечно, печатается заранее.

— **Правда, что Вы играете в карты с директорами Лувра?**

— Правда.

— **Как обычно организуются ваши выступления за границей?**

— У меня очень хороший агент, Марина Бауэр, из парижского агентства «Сарфати». Волевая, умная женщина, знающая этот бизнес вдоль и поперек, и у нее огромные связи. Она действительно делает то, что агенты сейчас уже не делают. Сегодня многие сидят в офисе и ждут звонков. А она постоянно ездит, бывает в залах, общается с организаторами концертов. Впервые, глядя на нее, я понял, что это огромная работа. У меня благодаря ей очень много концертов в Европе, меньше в Америке.

— **Почему?**

— Я не люблю большие американские города с их концертными залами. Это род социальной повинности. Туда ходят скучающие дамы преклонных лет со своими еще более скучающими мужьями.

— **То есть публика не нравится...**

— Театральная публика в Нью-Йорке лучше, живее. Хорошая публика есть в Америке в университетских го-

родах. Но этих университетов тысячи, платят там мало, и можно всю жизнь потерять в этих поездках.

— **Не собираетесь в будущем освоить смежные специальности – начать дирижировать, преподавать?**

— Нет, хочу только играть. Есть очень много музыки, огромный репертуар, который хочется освоить, здесь я вижу широкое поле деятельности. Да, Плетнёв стал дирижировать. Но он всегда играл ограниченный репертуар, не выходящий за рамки, скажем, музыки после Брамса. Он консерватор, не хочет играть что-то новое. Я помню, у него были незабываемые концерты, феноменальные. Прелюдии Шопена, например. Что он там творил!

— **Каким Вы хотели бы себя видеть через двадцать лет?**

— Сегодня я считаю себя гениальным любителем, а мечтаю стать профессионалом. Просто больше знать и уметь. Что-то я, конечно, могу, даже по сравнению с коллегами, но есть те, уровня которых я только мечтал бы достичь. Для этого нужно просто много работать.

— **Огромное Вам спасибо, Борис, за беседу. Удачи, всего наилучшего и до новых встреч в Большом зале филармонии — лучшем месте на земле!**

7 февраля 2009 года

Дорогие коллеги, преподаватели и студенты!

Санкт-Петербургская академическая филармония имени Д. Д. Шостаковича предлагает вашему вниманию веб-сайт www.philharmonia.spb.ru, где вы можете познакомиться с афишей Большого и Малого залов, комментариями к программам и сведениями об исполнителях, интервью с музыкантами, а также поучаствовать в обсуждении

концертов и других интересных тем на форуме сайта.

Приглашаем к сотрудничеству!

Контакты:

Лидия Бех-Иванова, ведущий редактор сайта:

lidabeche@gmail.com

Марина Аршинова, ведущий редактор отдела по связям с общественностью: arshinof@philharmonia.spb.ru

FESTIVALS

Ludmilla LEIBMAN

The Educational Bridge Project presents Days of Boston in St Petersburg – Spring 2009

История фестивалей проекта «Образовательный мост» восходит к 1997 году, когда представители Санкт-Петербургской консерватории приехали в Бостонский университет с концертами, лекциями, мастер-классами и семинарами. В программах 14-ти фестивалей, проведенных проектом «Образовательный Мост», приняли участие более 300 русских и американских музыкантов всех специальностей, деятелей культуры, работников музеев, архивов, библиотек. Бостонцам, в свою очередь, выпала честь выступать на лучших сценах культурной столицы России – Санкт-Петербургской филармонии, Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Римского-Корсакова, Эрмитажного Театра, Дома композиторов и в залах знаменитых дворцов Петербурга. Совместные репетиции и концерты американских и российских студентов, мастер-классы и лекции педагогов, авторские презентации книг и фильмов, слайд-шоу и семинары историков и музейных специалистов послужили лучшими верительными грамотами и сблизили людей двух континентов, двух стран, двух городов. Проект «Образовательный Мост», получив в 2006 году статус самостоятельной некоммерческой организации, продолжает свою работу по расширению и углублению культурного сотрудничества между Бостоном и Санкт-Петербургом.

Подробная информация, включающая даты и места проведения мероприятий фестиваля, опубликована на сайтах Проекта «Образовательный мост»:

www.educationalbridgeproject.org

и Института культурных программ: www.spbculture.ru

Since 1997, The Educational Bridge Project has contributed to building humanitarian, political, artistic, and educational bridges between the United States and Russia, through an exchange of lectures, seminars, performances, collaborative concerts and master classes, and concerts by musicians from Boston, St Petersburg and Moscow. Fourteen past festivals have brought more than 300 musicians, artists and educators together to share ideas, collaborate in performances, and discuss new teaching methods, with thousands of audience members in both countries attending these events. First established under the aegis of Boston University by Boston University alumna and Professor Ludmilla Leibman in 2006, the Educational Bridge Project became an independent not-for-profit organization fostering the exchange of music and musicians between the two countries.

American institutions that have participated in the Educational Bridge Project's festivals include Boston University, Harvard University, Brandeis University, Massachusetts Institute of Technology, Yale University, Longy School of Music and Boston Conservatory, among others. Their Russian counterparts are the St Petersburg and Moscow Conservatories and Composers' Associations, the Mariinsky Theater, the Hermitage Museum, the Moscow Cultural Foundation, and numerous other distinguished cultural institutions. All programs of the Festival are free and open to the public unless noted otherwise. For updated schedule information and information on future and past projects, visit

www.educationalbridgeproject.org

www.spbculture.ru